

О ТУМАШЕВЕ Н. В. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

ТУМАШЕВ Николай Васильевич, родился в 1882 в селе Ижевское Рязанской губ. (отец, крестьянин, служил лоцманом). С четырнадцати лет — на тяжелых работах, позднее служил помощником сельского учителя; занимался самообразованием. В начале 1900-х — окончил юнкерское училище, служил офицером русской императорской армии, в 1909 — поручиком пехотной резервной бригады. В 1914 — на фронте в чине полковника (получил личное дворянство). В середине 1920-х — проживал в Саратове, в 1927 — окончил факультет хозяйства и права Саратовского университета, работал заведующим военным кабинетом в Институте зерновых культур, преподавал там же. Женат на Е. Н. Тумашеве. 19 ноября 1930 — арестован, 31 декабря отправлен в Москву и заключен в Бутырскую тюрьму¹.

В июле 1931 — к Екатерине Павловне Пешковой обратилась за помощью его жена, Е. Н. Тумашева².

«Ваш» № Т-9043.

15-го июля, среда 1931 г<ода>,
<город> Саратов.

Многоуважаемая Екатерина Павловна!

В январе месяце я Вам писала письмо относительно своего мужа Ник<олая> Вас<ильевича> Тумашева — б<ывшего> Заведующего Военным кабинетом и военного преподавателя в Саратовском Институте Зерновых культур. Вскоре сама приехала в Москву, чтобы отыскать его там, т<ак> к<ак> в Саратовском ГПУ мне сказали, что его отправили в Москву. Проживши в Москве 3 недели, обходив все места заключения и все Судебные органы, побывав несколько раз у Вас в Красном Кресте, и нигде не добилась истины и ни с чем вернулась домой. Потом от 23-го февраля получила от Вас официальную справку о том, что никаких сведений о моем муже в Москве Вы не могли получить, и что мне надо наводить справки на месте. Здесь, несмотря на то, что я показывала Вашу справку, местный прокурор мне в продолжении 6-ти месяцев говорил неизменно всегда одно и то же, что мой муж в Москве. Что все это значит, Екатерина Павловна!? Я никак не могу себе взять в толк, почему так тщательно надо скрывать судьбу моего мужа? Почему мне не скажут, какая его постигла участь? Я уже теряюсь во всяких самых ужасных догадках и хотя уверена в том, что мой муж напрасно даже арестован, тем не менее я могу даже допустить, что он расстрелян, т<ак> к<ак> ошибки и самые ужасные всегда были, есть и будут. Я только никак не могу понять, почему это скрывают и не говорят мне одной, когда женам 17-ти расстрелянных сказали на другой же день! Если он жив, совершенно не понимаю, почему надо скрывать его местонахождение, лишать его передачи и всякой связи с семьей! Ведь последняя мера — это пытка и для него, и для семьи?! И хоть семья считается на свободе, но переживает мучения в тысячу раз ужаснее, чем м<ожет> б<ыть> даже лишение свободы, но постоянная связь с родными и известность. А тут все время двойственная жизнь, от отчаяния переходишь к надежде, а от надежды опять к отчаянию!! Ведь это же ни с чем несравнимые муки! А за что?!

Муж мой хотя и бывший офицер, но выбившийся на дорогу собственным трудом и головой. Он — сын простого крестьянина села Ижевского, Рязанской губ<ернии>. Отец его служил лоцманом в

¹ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 648. С. 26.

² Исправлены ошибки согласно современной орфографии, поставлены знаки препинания.

Екатеринославской губ<ернии>. 14-<ти> лет мой муж, тяготясь совместной жизнью с пьяницей и самодуром отцом, покидает родной дом и начинает самостоятельную жизнь, полную нужды, лишений и горя. Но предприимчивый, способный и настойчивый мальчик не падает духом от всех неудач и продолжает упорно бороться с жизнью. Испробовав во всех видах черный труд, он был и помощником сельского учителя и все свободное время отдавал самообразованию. Когда наступил призывной возраст, он вместо того, чтобы идти в солдаты, поступает в юнкерское училище и этим определяет свою дальнейшую карьеру, хотя военщина вовсе не тянула его. Всю жизнь он стремился к науке, но отсутствие средств не дали ему возможности поступить в университет. Так что его офицерское звание не есть кастовая, переходящая из рода в род привилегированная профессия, а просто — результат сложившихся обстоятельств его особенной жизни. В Империалистическую войну, где людей награждали всякими чинами и орденами за то, что они ежеминутно, ежечасно смотрели в глаза смерти, — он получает чин полковника. И вот теперь этот чин, это несчастное офицерское звание, как какое-то клеймо, мешает разглядеть в нем человека, подойти к нему не как к полковнику царской армии, а просто как к Николаю Васильевичу Тумашеву, понять и оценить все его природные качества. Отбрасывая в сторону все свои личные чувства и привязанность, я просто, как гражданка, скажу, что муж мой незаурядный человек, самородок, выходец из самой гущи народной, всю свою жизнь надеявшийся только на свои руки и голову. У него никогда не было ни средств, ни имений, ни протекций, а была только светлая голова на плечах и самая настоящая, горячая любовь к труду, к<отор>ый у нас теперь воспевается во всех песнях. Он не может быть преступником и заговорщиком против народной власти, т<ак> к<ак> он сам сын этого народа. Будучи офицером царской армии, — он никогда не был монархистом, возмущался и негодовал на многие порядки в ней, в том числе на бесправное положение солдат. Вообще военная сфера — не его сфера, а только так складывалась его жизнь, что ему все время до 48 лет пришлось быть военным. Его больше тянула наука, и он под старость в 45 лет, а все-таки осуществил свою заветную мечту — окончил (уже при Советской власти) Университет по факультету хоз<яйства> и права. При прежнем строе он мог заниматься только шагистикой, а при современном он мог быть и военным, и ученым. Что же ему еще желать? Человек, всю жизнь прошедший в борьбе, в войнах, в лишениях, не мог уже больше желать испытывать нечто подобное, вновь переживать все ужасы смерти, опасности и пр<очее>. Нет! Нет! Тысячу раз нет! Он прежде всего не сочувствовал старому порядку и не верил в его восстановление. На всякие заговоры он смотрел как на жалкие и ненужные попытки, влекущие за собой только лишние жертвы и каждый раз подрывающие доверие к интеллигенции со стороны Советской власти. "Старое погибло навсегда и безвозвратно", — говорил он мне часто.

Мне больно и обидно, что такого человека, как мой муж, могут подозревать в том, в чем он абсолютно никогда не был виноват, даже в помыслах. Во всем этом, конечно, виноват его прежний полковничий чин, который заставляет смотреть на все его действия и поступки под другим углом зрения. А на самом деле все эти поступки вытекают логично и естественно из всех природных свойств его натуры. Простите, что я так много написала м<ожет> б<ыть> лишнего, но мне хочется хоть Вам обрисовать его истинный облик, его настоящие стремления и действия. Он по природе был общественником и именно с теми темпами, к<отор>ые теперь приветствуются. Вообще, теперешние темпы не по плечу ленивому медлительному русскому человеку и, если теперь люди раскачиваются и преодолевают свою косность и лень так под влиянием требований идущей

вперед жизни, а мужу моему и переделывать себя не надо было. Он таким рожден с колыбели. Он с интересом откликался на всякое новое явление и движение в жизни и с увлечением работал в общественных организациях. И в домашней, повседневной обстановке он был таким же. Поэтому-то мне все понятно, что он делал, а люди, смотря на него, как на 48-летнего полковника, думают теперь, что это он все делал неспроста, а с задним умыслом. Надо знать его как человека, энергичного, жизнерадостного и жизнеспособного, который побивал многих молодых всеми этими качествами.

Помогите мне его найти, Екатерина Павловна! Где он находится и жив ли он?! 19-го июля будет 8 месяцев, как он арестован, и 7 месяцев как он пропадает бесследно! 7-го декабря ему была последняя передача, и с тех пор я о нем ничего не знаю! Должна же я когда-нибудь узнать правду о своем муже!!! Здесь было расстреляно 17 чел<овек>, и все они до конца своей жизни получали передачу. За что же такое жестокое наказание моему мужу, пролетарию по крови и по духу?! М<ожет> б<ыть>, Вы сможете, Екатерина Павловна, выхлопотать ему передачу? Еще раз прошу извинения за подробное письмо, но это крик наболевшей души!

Е. Тумашева.

Адрес: Саратов, Панкратьевская, <дом> 43, кв<артира> 2. Е. М. Тумашевой.

P. S. Если Вам будет известно о его приговоре вроде высылки или ссылки, будьте добры, дайте мне знать телеграммой об этом, чтобы я могла приехать к нему на свидание»³.

³ ГАРФ. Ф. Р-8409. Оп. 1. Д. 649. С. 9-15. Автограф.